

Неополькин А.А.

18+

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ

время тишины

Алексей Неополькин

**Кристаллизация.
Том II. Бремя тишины**

«Издательские решения»

Неополькин А. А.

Кристаллизация. Том II. Бремя тишины / А. А. Неополькин —
«Издательские решения»,

После событий первого тома Рома пытается вернуться к тихой жизни и забыть о трагедии, унесшей его друга. Но тишина не приносит покоя. Когда в городе появляется школьник, создающий странные геометрические конструкции и слышащий холодный «шум» чужой боли, Рома понимает: то, с чем он столкнулся раньше, не исчезло.

Содержание

Глава 1. Возвращение тишины	6
Глава 2. Снежок	8
Глава 3. Между шумом и тишиной	10
Глава 4. Сквозь Зеркало Снега	12
Глава 5. Рынок и Рельсы	14
Глава 6. Протокол заражения	16
Глава 7. Тьма, которая знает имя	19
Глава 8. Архив и Отголосок	23
Глава 9. Дневник сломанного компаса	25
Глава 10. Прививка от пустоты	28
Глава 11. Инструкция по содержанию призрака	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кристаллизация. Том II Бремя тишины

Алексей Алексеевич Неополькин

© Алексей Алексеевич Неополькин, 2026

ISBN 978-5-0070-0586-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-0587-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Возвращение тишины

Зима в городе была не просто временем года. Она была состоянием. Воздух, холодный и острый, как лезвие, входил в лёгкие и оставался там ледяным осколком. Рома вышел из корпуса университета, плотнее застегнув потрёпанное кожаное пальто, от которого на стигах уже слезала плёнка искусственной кожи, обнажая сероватую тканевую основу. Ему было под сорок, и годы лежали на его лице не глубокими морщинами, а лёгкой, но неотступной усталостью вокруг глаз. Взгляд, когда-то живой и насмешливый, теперь был спокоен и внимателен, как у человека, привыкшего долго смотреть на одно и то же.

Он шёл по заснеженному двору, и его шаги были единственными, оставляющими следы на идеально чистой полосе между сугробами. Эта тишина, этот временный порядок были его щитом. Он построил свою жизнь как аккуратный, предсказуемый чертёж, где каждая линия была проведена с оглядкой на прошлое. Лекции, архивная работа, редкие, почти церемониальные встречи с коллегами. И одинокая квартира.

Его квартира находилась в старой, ещё «брежневской» пятиэтажке на окраине. Не панельной, а кирпичной, что считалось когда-то признаком статуса, а теперь означало лишь вечно промерзающие углы и сквозняки, гуляющие по щелям разошедшихся рамах. Рома входил в подъезд, пахнувший остывшими щами, влажным тряпьем и старой пылью. Он остановился перед почтовыми ящиками — стеной из ржавых, проржавевших насквозь ячеек. Его ящик был один из немногих, кто ещё использовался по назначению.

Местная газета, которую он выписывал скорее по привычке, лежала в ячейке. На первой полосе — обычные городские новости: открытие ледового городка, проблемы с теплотрассой, криминальная хроника. Его взгляд машинально скользнул по мелким заметкам. И зацепился.

«Старшеклассник устроил странный перформанс на крыше девятиэтажки на улице Гагарина... выложив из подручного мусора и льда сложную геометрическую композицию... напоминал „замёрзший взрыв“ или „схему молекулы“...»

Рома замер. Кровь отхлынула от его лица. Он не видел фотографии, но в сухих строках отчёта он прочёл не упрямство хулигана и не порыв юного художника. Он узнал почерк.

Скомкав газету в карман, он медленно пошёл на второй этаж. Лестничная клетка была освещена одной слабой лампочкой, отбрасывающей жёлтые, пляшущие тени. Дверь в его квартиру была старой, деревянной, с почерневшей от времени фурнитурой.

Внутри пахло одиночеством. Не затхлостью или запустением, а именно одиночеством — стерильной чистотой места, где некому навести беспорядок. Прихожая была узкой, на вешалке висело его поношенное пальто и один-единственный старый шарф. Пол в квартире был покрыт холодным линолеумом с потёртым до белизны узором. Он щёлкнул выключателем — в потолке горела люстра советских времён с тремя рожками, два из которых были пусты.

Гостиная, она же кабинет, была заставлена книжными стеллажами, сбитыми когда-то из досок и кирпичей. Книги — единственная роскошь, которую он себе позволял. Посередине стоял старый, просевший диван, застеленный выцветшим покрывалом. Рядом — стол с настольной лампой, чей абажур был давно пожелтев от времени и света. На столе — стопки студенческих работ, несколько карандашей и пресс-папье в виде чугунного шара. Ни фотографий, ни безделушек, ничего лишнего. Это было пространство человека, который перестал быть хозяином и стал зрителем. Зрителем собственной памяти.

Он снял пальто, повесил его на спинку стула и подошёл к окну. Окно выходило не на парк, а на такой же унылый двор-колодец, заваленный теперь сугробами, с одинокими следами котов и покореженными гаражами вдалеке. Он провёл рукой по холодному стеклу, собирая кристаллы инея в ладони. Тишина в квартире была абсолютной, звенящей. Его быт был выстроен так, чтобы в нём не оставалось места для неожиданностей. Чайник, который кипел

ровно столько, чтобы заварить одну крушку чая. Холодильник, пустой до стерильности, с минимальным набором продуктов. Запас лампочек, спичек, соли. Всё по расчёту. Всё для одного.

В кармане его пиджака, висевшего на стуле, лежал тяжёлый, холодный предмет. Он всегда носил его с собой. Рома достал его. Обгоревший осколок синего кристалла, размером с голубинное яйцо. Он положил его на ладонь. В сером, бедном свете комнаты осколок казался просто грязным куском стекла. Но когда Рома проводил по нему пальцем, он чувствовал не холод камня, а едва уловимую вибрацию — шрам на теле реальности. Это был его талисман и его крест. Напоминание о цене, которую заплатили все. О друге, которого он не смог спасти. Не мог бы он и молчать про то, что иногда, в полной тишине, ему казалось, будто под кожей что-то шевелится — не больно, а будто тихонько щёлкает, как замок в двери, которую он боялся открыть, но молчал, так как некому сказать об этом.

Он взял газету, разгладил её на столе и перечитал записку. Каждое слово впивалось в сознание, как игла. «Геометрическая композиция... подручный мусор... схема молекулы...»

Это был не Антон. Антон остался там, в огне и пепле. Это было что-то другое. Эхо. Отголосок. Метастаз.

Он поднял глаза и снова посмотрел в окно, на тёмный, заснеженный двор. Снег продолжал падать, замечая следы. Но он знал — тишина была обманчива. Его новая миссия, о которой он лишь смутно догадывался все эти годы, молчаливо неся своё бремя в бедности и одиночестве, только что обрела имя и адрес.

Рома сунул газету под стопку студенческих работ и снова взял в руки осколок. Не для того, чтобы сражаться. А для того, чтобы вспомнить. Вспомнить всё, чему научил его Нолк. Потому что где-то там, в зимнем городе, за одним из этих окон, ждал его новый пациент. Мальчик по имени максим. И Рома был, возможно, единственным врачом, способным диагностировать эту чуждую, древнюю болезнь, пока она не поглотила своего носителя полностью.

Он медленно поднялся, чтобы поставить чайник. Его движения были точными, экономными. В такт его шагам по голому линолеуму отстукивал лишь один звук — глухой, навязчивый стук его собственного сердца, отдававшийся эхом в гробовой тишине маленькой, бедной квартиры. Покой, который он так тщательно выстраивал все эти годы, рухнул. Начиналась работа.

Глава 2. Снежок

В своей квартире Рома заварил чай и разложил газету на столе. Бумага пахла типографской краской и чужими жизнями. Он прочёл заметку ещё раз, потом ещё. Каждое слово он пропускал через внутренний фильтр, настроенный на распознавание аномалии.

«...сложную геометрическую композицию...» — не «рисунок», не «узор». Геометрическую.

«...подручный мусор и лёд...» — не краски, не кисти. Холодные, безжизненные материалы.

«...в течение ночи в одиночку...» — маниакальная целеустремлённость, отсутствие потребности в зрителе.

Он откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Перед ним встал образ не Максима, которого он никогда не видел, а Антона в их общей комнате в общежитии, склонившегося над чертежом. Пальцы, сжимающие карандаш с неестественной силой. Взгляд, устремлённый сквозь лист, в некую идеальную, недостижимую схему, которую он пытался воплотить в грубой реальности. Та же энергия. Тот же уход от хаоса человеческих чувств в стерильный мир линий и углов.

Рома вздохнул, подошёл к книжному шкафу. За стёклами, среди трудов по искусствоведению и истории, стояло несколько ничем не примечательных тетрадей в потрёпанных тёмных обложках. Наследие Нолка. Полевые записи инженера, застрявшего в аду. Рома достал одну, пахнущую пылью и старой бумагой. На страницах — схемы, формулы, зарисовки энергетических потоков и... диагностические таблицы. Нолк пытался систематизировать проявления «искажений», как он их называл.

Он нашёл раздел, помеченный знаком, напоминающим воронку. «Проявления Голода (промежуточные стадии)».

- Синдром навязчивого упорядочивания. Попытка навязать внешнему миру паттерны, несвойственные его природе.

- Эмоциональная анестезия с эпизодами немотивированной агрессии.

- Поглощение чужих ментальных следов (сны, фобии, непережитые травмы).

Рома посмотрел в окно. Ночь была безветренной, снег падал ровной пеленой. Где-то там, в этом спящем городе, жил мальчик, в котором проснулся чужой кошмар. Он не был одержим, как Антон. Он был заражён. Как вирус, встраивающийся в клетку, «метастаз» Голода использовал тело и психику Максима как питательную среду, медленно переписывая его личность под свои нужды.

Найти его было не сложно. Небольшой город, школа всего одна на тот район. Через пару телефонных звонков коллегам, у которых учились дети, Рома выяснил: Максим Орлов, ученик 11 «Б» класса. Хорошист, тихий, никаких особых проблем. До недавнего времени.

На следующий день, отменив пару, Рома поехал по адресу. Девятиэтажка на Гагарина была такой же, как все остальные — серая, облезлая, с тёмными подъездами. Он поднялся на крышу. Дверь была заперта на тяжёлый амбарный замок, но рядом с ним висел и новый, блестящий — видимо, повешенный после инцидента.

Рома обошёл дом. За детской площадкой, в сугробе, он увидел то, что искал. Не саму композицию — её, конечно, уже разрушили, — но её след. Кто-то, не особо стараясь, сгрёб лопатой лёд и мусор в кучу. Но Рома разглядел в этой куче не хаос. Кусок ржавой арматуры, несколько бутылочных стёкол, выложенных в идеально ровную линию. Обломки кирпича, образующие чёткий угол. Снег вокруг был утоптан в странном, ритмичном узоре, словно кто-то часами ходил по сложной траектории.

Он достал телефон и сфотографировал всё под разными углами. Это не было вандализмом. Это был симптом. Крик души, которая сама не понимала, что кричит.

Вечером он сидел над фотографиями, перенося узоры на чистый лист бумаги. Получалась абстрактная, но на удивление гармоничная схема. Она напоминала одновременно и диаграмму роста кристалла, и схему распространения трещин в стекле. Паттерн распада, выданный за паттерн порядка.

Раздался звонок в дверь. Рома вздрогнул. Он не ждал гостей. Подойдя к двери, он посмотрел в глазок. На площадке никого не было. Он почувствовал лёгкий, едва уловимый холодок, пробежавший по спине. Не от сквозняка. Такое же ощущение он испытывал в Уль-Норе рядом с «тихими» зонами

Он медленно открыл дверь. На полу лежал небольшой, слеplенный из снега ком. Идеально ровный шар, размером с апельсин. И не растаявший, несмотря на тёплый подъезд.

Рома поднял его. Снег был не просто холодным. Он был... безжизненным. Лишённым той энергетической влаги, что свойственна даже замёрзшей воде. Это был снег из сна. Или из могилы.

Он посмотрел вниз, по лестничному пролёту. Никого. Тишина.

Он уже здесь. И он знает, что я ищу его.

Рома занёс руку, чтобы швырнуть снежный ком в стену, но остановился. Вместо этого он отнёс его на кухню и положил в раковину. Он не растаял. Он просто лежал там, как инородный предмет, как доказательство того, что законы этого мира стали чуточку более хрупкими.

Рома вздохнул, поймав своё отражение в тёмном окне. Усталое лицо, тени под глазами. Он был учителем, а не воином. Учёным, а не экзорцистом. Но выборов у него не оставалось. Завтра он пойдёт в школу. Ему нужно было увидеть Максима своими глазами. Не как нарушителя, а как пациента. Первого пациента в его новой, тихой войне за души, которые даже не подозревали, что стали полем боя для призрака давно закончившейся трагедии.

Глава 3. Между шумом и тишиной

Школа №14 встретила его гулким эхом пустых коридоров. Уроки ещё не кончились, и из-за закрытых дверей доносились приглушённые голоса учителей. Воздух пах мелом, старым деревом парт и чем-то кисловатым — запахом детства, которое для Ромы закончилось два десятилетия назад в подземном мире.

Директор, немолодая женщина с усталыми глазами за стеклами очков, выслушала его с вежливым недоверием. Рома представился исследователем молодёжных субкультур, интересующимся спонтанными проявлениями уличного искусства.

«Орлов? — Директор повела бровью. — Да, инцидент был. Мальчик никогда не доставлял хлопот. Тихий. Замкнутый. Увлекается химией и черчением. Родители в шоке, конечно.»

Она вызвала классного руководителя Максима. И пока Рома ждал в учительской, он чувствовал, как осколок в его кармане издаёт едва уловимую, высокочастотную вибрацию. Не тепло, а скорее лёгкое давление, как от приближающегося грома.

Классная руководительница, женщина лет тридцати, оказалась куда более разговорчивой.

«С Максимом что-то не так, — сказала она, понизив голос. — Он не хулиган. Но после того случая на крыше... он будто выгорел. Отвечает на вопросы, но взгляд... стеклянный. И в тетрадах по черчению... он не рисует проекты. Он заполняет листы какими-то сетками, узорами. Как будто пытается вычислить формулу хаоса.»

Она принесла одну из тетрадей. Рома открыл её, и у него похолодело внутри. Это не были чертежи. Это были схемы энергетических потоков. Примитивные, интуитивные, но безошибочно узнаваемые для того, кто видел карты Нолка. Максим инстинктивно, как сейсмограф, регистрировал аномалии в ткани реальности вокруг себя.

«Можно с ним поговорить?» — спросил Рома.

Его привели в пустой кабинет физики. Максим вошёл неслышной, скользящей походкой. Высокий, худой парень с бледным, почти прозрачным лицом. Его глаза были зелёными, но в них не было ни капли живого света. Они напоминали мутное стекло, сквозь которое виден пустой, холодный пейзаж.

«Максим, — начал Рома, отставляя в сторону диктофон. — Меня интересует твоя работа на крыше. Это было искусство?»

Максим медленно перевёл на него взгляд. Его губы дрогнули.

«Нет, — голос у него был тихим и ровным, без интонаций. — Это было... уравнение. Я искал точку равновесия.»

«Равновесия между чем?»

«Между шумом и тишиной, — ответил мальчик, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то живое — испуг. — В моей голове постоянно шум. А снаружи — тишина. Я хотел их сбалансировать.»

Рома почувствовал, как по спине пробежали мурашки. «Шум в голове» — классический симптом при контакте с низкоуровневым ментальным эхом, которое Нолк описывал как «шепот безголосых».

«Что ты слышишь в этом шуме, Максим?»

Мальчик опустил голову, сжав кулаки на коленях.

«Голоса, которые не говорят слова. Просто... боль. Чужая боль. Она холодная. Как лёд. И она голодная.»

Слово «голодная» повисло в воздухе, как удар колокола. Рома сглотнул.

«Ты знаешь, чья это боль?»

Максим резко поднял голову, и его стеклянный взгляд внезапно стал острым, пронзительным.

«Он не знает своего имени. Он всё забыл. Он помнит только, что потерял её. И что это была его вина. Он ищет её. И он... он смотрит на меня из темноты. Иногда мне кажется, я вижу его лицо в окне. Оно... пустое.»

Рома понял. Это был не просто «метастаз». Это был призрак Антона, вернее, его незаживающая рана, его чувство вины, оторвавшееся от личности и получившее собственную, уродливую жизнь. Оно искало новую «Валери», нового виновника, новую жертву. И оно нашло Максима — чувствительного, одинокого подростка, чья психика стала идеальным резонатором.

Разговор был прерван звонком. Максим поднялся, его лицо снова стало пустым.

«Он сказал, что вы придёте, — вдруг тихо произнёс он у двери. — Он сказал, что вы попытаетесь помочь. Но вы не сможете. Потому что чтобы помочь мне, вам придётся разорвать нить. Жертвовать. А это больно. Очень больно.»

И он вышел, оставив Рому в холодном, наполненном тенями кабинете.

Рома сидел, глядя на пустую доску, испещрённую формулами. Он был прав. Его новая миссия была страшнее старой. Тогда он боролся с одержимостью друга. Теперь ему предстояло стать хирургом и провести операцию по отделению здоровой души от психического вируса — призрачной, но невероятно цепкой боли, у которой не было ни имени, ни тела, но была вся разрушительная сила «Голода».

Он достал осколок. Тот был холодным, как лёд. Но глубоко внутри, в самой его сердцевине, Рома почувствовал слабый, отчаянный импульс. Не крик о помощи. А предупреждение.

Он смотрел в окно кабинета, на снег, падающий на школьный двор. Где-то там, в этом зимнем городе, бродил бездомный призрак чужой вины. И Рома, бедный, уставший учитель, был единственным, кто знал, как объявить ему охоту. Охоту не на уничтожение, а на исцеление. Самую сложную охоту в его жизни.

Глава 4. Сквозь Зеркало Снега

Неделю спустя Рома снова стоял на школьном дворе.

Он понял, что встречи с Максимом превратились в ритуал — не потому, что они что-то меняли, а потому что без них мир начинал казаться фальшивым. Рома больше не задавал мальчику прямых вопросов. Он просто был рядом, слушал, позволял словам течь как попало, улавливая не смысл, а структуру.

Шум в голове Максима был неоднородным.

Рома начал различать его слои.

Фоновая дрожь — страх, привычный, детский.

Резкие всплески — чужая вина, тяжёлая, взрослая, не принадлежащая Максиму.

И под этим — тонкий, почти стёртый след. Узнаваемый не по словам, а по форме.

Антон.

Вернее — то, что осталось после него. Психический разлом, не заживший и не способный зажить.

В последние два дня Максим почти не говорил. Он рисовал. Не хаотично — настойчиво, будто повторение было важнее результата. На страницах тетрадей появлялась одна и та же фигура: сфера, собранная из множества граней, внутри которой сплетался сложный, многомерный узор линий. Они не пересекались случайно. В них чувствовалась чужая, безупречная логика.

— Он называет это «не-местом», — сказала классная руководительница, понизив голос, словно фигура могла услышать. — Говорит, что там... тихо. Совсем. И что оттуда за ним наблюдают.

Рома кивнул. Ему не нужно было уточнять — кто.

Максим перестал быть просто проводником прошлого. Что-то изменилось в направлении сигнала. То, что когда-то прорвалось из глубины, теперь тянулось выше, касаясь слоёв, которые не должны были реагировать на человеческую боль.

В тот вечер Рома вернулся домой раньше обычного.

Квартира встретила его странным, вязким воздухом — не затхлым, не холодным, а будто насыщенным чем-то невидимым. Тени в углах не лежали спокойно, а мелко дрожали, словно пространство не могло окончательно зафиксировать их положение.

На столе, рядом с осколком кристалла, лежал иней.

Не ком снега.

Не налёт.

Ровный круг, вычерченный с почти пугающей точностью. А внутри — тончайший рисунок: тот самый многогранник, который Максим выводил десятки раз. Линии были настолько правильными, что глаз отказывался верить в их случайность.

Это не было сделано рукой.

Рома поднёс ладонь ближе.

Иней не таял. Он звенел — тихо, высоко, так, что звук не проходил через слух, а возникал сразу внутри головы. На мгновение пространство будто сместилось, и Рома ощутил, как что-то — не образ, не мысль — встраивается, занимая заранее подготовленное место.

Не сообщение.

Не приказ.

Калибровка.

Он отдёргнул руку и понял: дело не в Максиме. И даже не в Антоне.

Мальчик был не причиной.

Он был точкой искажения. Местом, где несовместимые уровни соприкоснулись слишком близко.

То, что прорвалось однажды из разорванной человеческой связи, больше не оставалось локальной аномалией. Оно стало заметным. И мир, который всегда казался Роме устойчивым, теперь проявлял признаки реакции — осторожной, выверенной, холодной.

Стук в дверь прозвучал почти сразу.

Тихий. Настойчивый. Не требующий ответа.

Рома подошёл к глазку.

Максим стоял на площадке слишком прямо, будто боялся потерять форму. Его лицо было искажено страхом, но глаза — впервые за всё это время — были ясными.

Когда Рома открыл дверь, мальчик сделал шаг внутрь, словно спасаясь от чего-то невидимого.

— Они пришли, — выдавил он. — Не он... другие. Из тишины.

— Кто «они»? — спросил Рома, уже понимая, что вопрос вторичен.

Максим сглотнул.

— Они говорят, что здесь... ошибка. Что что-то пошло не так. И что это нужно... исправить.

Его взгляд метнулся к столу. К инею. К осколку кристалла.

— Они говорят, — прошептал он, — что я лишний.

Рома закрыл дверь.

Он посмотрел на мальчика, на звенящий рисунок, на кристалл между ними — не как на угрозу, а как на ключ. Мир не рушился. Он приводил себя в порядок. И человек в этом порядке был всего лишь переменной.

Пришло время следующего урока.

И на этот раз Рома знал:

Учителем предстоит стать ему — не потому, что он сильнее,

А потому что кто-то должен был помнить, зачем боль вообще имеет значение.

Глава 5. Рынок и Рельсы

Прошло несколько дней..

...Рома видел, как тело мальчика напряглось, словно от удара током.

«Слишком громко,» — прошептал Максим, зажимая уши. Но Рома понимал — дело было не в децибелах. Это был шум чужих душ.

Симптом первый: Поглощение чужой боли.

Максим шёл, как сомнамбула, его взгляд скользил по лицам. И он видел не людей, а их скрытые раны.

«Он... он боится, что его уволят,» — выдавил Максим, глядя на грузного мясника, весело оравшего с клиентом. Глаза мальчика были полны страха — чужого страха.

Возле рыбных прилавков он вдруг задохнулся: «Здесь... тонул кто-то. Давно. Она до сих пор кричит подо льдом.» Это была не его память. Это был отголосок давней трагедии, которую он считывал, как антенна.

Симптом второй: Приступы тоски и гнева на триггеры.

Они проходили мимо фруктового ряда. И вдруг Максим замер, уставившись на прилавок с яблоками. Его лицо, до этого бледное, исказилось гримасой немой ярости.

«Я их ненавижу,» — прошипел он, и в его голосе был хрип, не принадлежавший подростку. Это был сдавленный, взрослый гнев. Гнев Антона, который в день их ссоры с Валерией держал в руке нетронутое яблоко из её посылки.

Позже, у лотка с дешёвыми украшениями, он схватился за голову: «Уберите это!» На витрине лежала заколка с рыжим, пластмассовым камнем. Цвет был фальшивым, но его было достаточно.

Симптом третий: Холодная одержимость методом.

Рынок был хаосом, но Максим инстинктивно пытался навязать ему порядок. Он не просто шёл — он высчитывал шаги.

Рома заметил, что мальчик двигается не между людьми, а по воображаемой сетке, ступая строго в определённые точки, словно расставленные кем-то невидимые маркеры.

Он мог внезапно остановиться и начать бессмысленное, ритмичное постукивание пальцем по металлическому столбу, его взгляд затуманивался, полностью погружаясь в этот примитивный, вынужденный ритм, заглушающий внутренний шум.

Симптом четвёртый: Раздувание собственной боли.

Возле старика, продающего одинокие пакетики с семечками, Максим остановился как вкопанный.

«Он один. Совсем один. Как я,» — прошептал он. Но в его голосе была не жалость, а ужас узнавания. Его собственное, вполне обычное подростковое одиночество под влиянием «Голода» раздулось до вселенского масштаба, став абсолютным, метафизическим приговором. Ему казалось, что эта пустота — не его чувство, а закон мироздания.

И тогда Рома повёл его к вокзалу.

Шум рынка сменился другим, более структурированным гулом — громогласными объявлениями, рёвом двигателей, металлическим лязгом и грохотом колёс. И здесь «Голод» проявился с новой силой.

Сны, которых он не видел.

«Я здесь был,» — сказал Максим, глядя на главный вход, и в его глазах плескался чужой восторг, смешанный со страхом. Восторг Антона, впервые приехавшего в город. И страх Антона, стоявшего здесь же после похорон Валерии.

Он смотрел на уходящие поезда, и его зрачки расширялись, ловя светящиеся пещеры, которых не было — отблески фар на мокром асфальте его мозг преобразовывал в фантомные воспоминания о сиянии Уль-Нора.

Кульминация наступила у платформы. Мимо на полной скорости пронёсся скорый поезд, оглушительный, сокрушающий. Для Ромы — просто шум. Для Максима — триггер.

Он не просто вздрогнул. Он согнулся пополам, схватившись за голову, и издал звук, который не был криком. Это был стон, полный такой древней, чужой тоски, что у Ромы похолодела кровь. В этом стоне был лязг монтировки о камень голема, шипение рассеивающейся тьмы и оглушительная тишина больничного коридора.

«Она уезжает!» — закричал Максим, уже не своим голосом. — «Она всегда уезжает! Я не успеваю!»

Он смотрел на уже пустые рельсы, а видел уходящий поезд, в котором навсегда осталась Валери. Его собственная, маленькая жизнь была полностью поглощена этой чужой, громадной трагедией.

Рома схватил его за плечо, силой разворачивая от рельсов. Он смотрел в глаза мальчику и видел в них не Максима, а отражение Антона — того, каким он был в самые страшные мгновения своей одержимости.

Диагноз был окончательно подтверждён. Это была не одержимость. Это была инфекция. И рынок с вокзалом стали операционным столом, болезнь проявила себя во всей своей ужасающей красе. Теперь Рома знал, с чем имеет дело. И понимал, что антибиотиков от этой заразы не существует. Ему предстояло стать психическим хирургом и вырезать чужую память из сознания живого человека.

Глава 6. Протокол заражения

Рома довёл Максима до его дома почти на руках. Парень не сопротивлялся, но и не помогал. Он был пустой оболочкой, из которой вычерпали всё, кроме чужого отчаяния. Его мать, встревоженная бледностью сына, бросила на Рому взгляд, полный немого укора — что вы с ним сделали? Рома ничего не ответил. Какие слова могли объяснить, что её мальчик только что пережил психологическую ампутацию души, которую ему пересадили из другого человека?

В своей квартире Рома заперся, отключил телефон и достал тетради Нолка. Теперь он искал не описания симптомов, а конкретные методики. Раздел «Карантинные протоколы».

Протокол 7: «Стабилизация носителя при массивном ментальном заражении».

- Шаг 1: Изоляция от резонансных полей. Максима нельзя выводить в места скопления людей. Его психика — открытая рана, восприимчивая к малейшим вибрациям чужой боли.

- Шаг 2: Создание нейтрального ментального поля. Нужно найти или создать место, максимально свободное от сильных эмоциональных следов. Безлюдное, новое, стерильное.

- Шаг 3: Поиск якоря. В сознании носителя нужно найти неповреждённый элемент его собственной личности — сильное, чистое воспоминание, не затронутое «Голодом». Это будет точка опоры.

Следующий раздел заставил кровь Ромы похолодеть.

Протокол 12-Дельта: «Негативная прогрессия при неудачной стабилизации».

- Фаза 1: Полное отождествление. Носитель теряет границы своей личности. Он начинает говорить от имени сущности, использовать её память как свою собственную.

- Фаза 2: Материализация искажений. Психическая энергия «Голода» начинает влиять на реальность. Появление аномальных физических явлений — самопроизвольное образование льда, искажение звука, нарушение законов физики в непосредственной близости от носителя.

- Фаза 3: Трансмиссия. Носитель перестаёт быть конечной точкой. Он становится ретранслятором, заражая «Голодом» других восприимчивых людей или места. Формируется эпидемия.

Рома откинулся на спинку стула, потирая переносицу. Максим уже демонстрировал признаки Фазы 1. Его крик на вокзале — «Она уезжает!» — был не метафорой, а констатацией факта его нового, уродливого бытия. Фаза 2 тоже проявлялась — тот самый не таявший снежный ком, иней на столе.

Нужно было действовать. Быстро.

Он позвонил своему немногим оставшемуся в городе другу, который работал прорабом на стройке нового спального района на окраине.

«Сережа, мне нужно помещение. Самое пустое, какое есть. Не сданное в эксплуатацию. На пару дней.»

Через час тот перезвонил:

«Есть подвал в новом доме на Проспекте Строителей. Сдаётся через месяц, сейчас там только голые стены и проводка. Ключ под ковриком у чёрного входа.»

Идеально. Нейтральное поле.

Вечером Рома снова пришёл к Максиму. Мальчик сидел у себя в комнате и снова чертил. Но теперь это был не абстрактный узор. На листе бумаги с пугающей точностью была изображена схема тоннелей Уль-Нора. Он рисовал по памяти, которой у него не было.

«Максим, слушай меня,» — тихо начал Рома. — «То, что внутри тебя — это не ты. Это болезнь. Я знаю, как она выглядит. Я видел её раньше.»

Максим медленно поднял на него взгляд. В его зелёных глазах плавала чужая тоска.

«Он говорит, что ты его предал,» — голос Максима был беззвучным шёпотом. — «Что ты мог его остановить, но не сделал этого.»

Удар пришёлся точно в незажившую рану. Рома сглотнул ком в горле.

«Я пытался. Так же, как пытаюсь помочь тебе сейчас. Но для этого тебе нужно довериться мне. Мы должны уйти отсюда. Ненадолго.»

«Куда?»

«В место, где тихо.»

На следующий день, под предлогом «полевых исследований для проекта», Рома забрал Максима из школы и повёз на другой конец города. Новый микрорайон был похож на набор бетонных коробок, торчащих из грязи и снега. Они нашли чёрный ход. В подвале пахло свежей штукатуркой, бетонной пылью и одиночеством. Было пусто, холодно и идеально тихо.

Рома достал из рюкзака две походные газовые горелки, чтобы хоть как-то согреть пространство. Пламя зашипело, отбрасывая на голые стены прыгающие тени.

«Попробуй вспомнить что-то своё,» — попросил Рома. — «Что-то очень важное для тебя. Не из снов. Из твоей жизни.»

Максим закрыл глаза, его лицо исказилось от усилия.

«Не получается... Всё перекрывает шум... Он говорит... он говорит, что мои воспоминания — это мусор. Что настоящая боль — только у него.»

Внезапно одна из горелок наклонилась, словно под напором невидимого ветра. Пламя погасло. В подвале резко похолодало. Рома почувствовал знакомое давление тьмы, в этой тьме Рома услышал... Но не только услышал. Под кожей на лбу вспыхнул ледяной, сухой зуд. Кристалл, годы молчавший и спавший, вдруг отозвался на голос из прошлого. Он не светился — он вибрировал, и эта вибрация накладывалась на шёпот, расщепляя его, как призма. Рома вдруг ясно понял: это не один голос. Это наложение двух: яростного, одержимого шёпота Антона... и под ним — холодного, безличного гула, похожего на скрежет кристаллических структур. «Он не один. Он теперь лишь проводник для чего-то большего», — пронеслось в голове Ромы, и это знание пришло не через уши, а прямо через ледяной шрам на лбу.

Фаза 2 прогрессировала.

Он посмотрел на Максима. Тот смотрел на потухшую горелку с каким-то пустым любопытством.

«Он не хочет, чтобы здесь было тепло,» — просто сказал мальчик. — «Ему нравится холод.»

Рома крикнул. Ну конечно. Конечно, ему нравится холод. Потому что просто так выносить мозг — это неинтересно, надо ещё и коммуналку поднимать

Рома понял. Они играли в кошки-мышки с призраком. И призрак менял правила игры. «Стерильное» помещение переставало быть нейтральным — «Голод» наполнял его собой, своей леденящей аурой.

Его взгляд упал на рюкзак, где лежал осколок. Может быть, это был не просто компас, а ключ? Если «Голод» мог влиять на их реальность, может быть, и они могли повлиять на его?

Он достал кристалл. В тусклом свете оставшейся горелки осколок не сиял. Он был тёмным, как провал в ночном небе.

«Максим, посмотри сюда,» — сказал Рома, кладя осколок на бетонный пол между ними. — «Он тоже помнит ту боль. Но он выстоял. Он не сломался.»

Максим смотрел на камень, и в его глазах что-то дрогнуло. Может быть, признание Или просто отражение пламени.

Внезапно осколок дрогнул и издал тихий, чистый звук, похожий на удар хрустального колокольчика. Звук был таким нежным и хрупким в этом бетонном гробу, что казался чудом.

И на секунду дрожь Максима прекратилась. Он поднял на Рому взгляд, в котором на мгновение мелькнул не призрак Антона, а испуганный, одинокий ребёнок.

«Я... я помню, как мы с отцом запускали воздушного змея,» — прошептал он. — «Было ветрено. И так высоко...»

Якорь. Слабый, едва живой, но он был.

В ту же секунду вторая горелка погасла. Их поглотила абсолютная тьма. И в этой тьме Рома услышал не голос Максима, а другой, знакомый до боли шёпот, идущий со всех сторон сразу:

«Ты опять пытаешься отнять у меня то, что мне принадлежит.»

Рома устало потер переносицу. Господи, Антон, хоть бы новый сценарий написал. Двадцать лет прошло, а претензии всё те же. Мог бы уже и расширить репертуар.

Глава 7. Тьма, которая знает имя

Из подвала они выбрались, когда небо на востоке только начинало сереть.

Рома почти нёс Максима на себе и думал «никто кроме меня не сможет спасти его». Мальчик не шёл — переставлял ноги, как заводная кукла с севшим механизмом. Глаза открыты, но взгляд направлен внутрь. Или никуда. Рома не мог понять, смотрит ли Максим на мир или мир для Максима уже перестал существовать.

Он отключился сразу после того, как погасла последняя горелка.

Или не отключился.

Или просто перестал быть собой на то время, пока тьма говорила с Ромой напрямую. Рома не знал, что хуже — считать Максима жертвой или свидетелем. Всю дорогу до дома мальчика он молчал. Молчал, когда Рома укладывал его на диван. Молчал, когда мать, бледная от бессонной ночи, накрывала его одеялом. Только раз, уже в дверях, Рома обернулся и поймал взгляд Максима — тот смотрел на него, и в этом взгляде не было ни узнавания, ни благодарности, ни страха.

Там вообще ничего не было.

Домой Рома вернулся под утро.

Раздеваться не стал. Сел на кухне, налил воды из-под крана, выпил залпом. Потом достал аптечку — аспирин, пачка начальная, ещё с прошлой зимы — и высыпал на ладонь четыре таблетки. Запил той же водой. Горло саднило, будто он всю ночь кричал. Хотя в подвале он не кричал. В подвале он вообще не мог произнести ни звука, когда это началось.

Он лёг прямо на диване, не раздеваясь, не выключая свет. И провалился в сон без сновидений — тяжёлый, как потеря сознания. Проснулся в полдень.

Тело слушалось плохо, будто мышцы за ночь забыли, как работать. Голова гудела, но мысль — одна, главная — пробивалась сквозь шум чётко, как укол: метод Нолка не работает.

«Нейтральное поле» оказалось ловушкой. Они пришли в пустое место, чтобы спрятаться от «Голода», а «Голод» пришёл следом. Мало того — он ждал их там. Он чувствовал себя в этой бетонной стерильности даже увереннее, чем в комнате Максима. Там ему мешали чужие воспоминания, фотографии на стене, запах дома. А здесь — ничего. Только тьма, холод и три живые души: Максим, Рома и та, третья, что сидела у них внутри.

«Голод» не изолируется. Он прорастает куда угодно, если внутри носителя достаточно боли. Значит, нужно не прятать носителя, не защищать его от мира. Нужно вырезать боль. Но как вырезать то, что не имеет формы? То, что говорит чужим голосом и помнит то, чего не помнит тот, в ком оно живёт?

Рома сел на диване, потёр лицо ладонями. Вспомнил, как в подвале, перед тем как погас свет, Максим прошептал про воздушного змея. Якорь сработал — на секунду. Значит, метод Нолка не ошибочен. Он просто неполон. В тетрадях, которые Рома перечитывал десятки раз, не хватало чего-то важного. Последних записей.

Тех, что Нолк делал в месяцы перед исчезновением.

Тех, где он, возможно, нашёл способ не просто сдерживать заражение, а вырезать его без скальпеля.

Архив городской больницы работал до шести. Рома глянул на часы — половина пятого. Успевает, если выйдет сейчас.

Он натянул куртку, сунул в карман пачку кофе — хороший, молотый, который берёт для гостей, которых всё равно не было — и вышел.

Вахтёрша на проходной больницы оказалась женщиной в возрасте, с усталыми глазами и той особенной цепкостью, которая появляется у людей, чья работа — никого не пускать. Рома положил перед ней кофе. Она посмотрела на пачку, потом на него, потом снова на пачку.

— Мне в архив, — сказал Рома. — Подвальное крыло. Бумаги двадцатилетней давности.

— До шести, — ответила она, убирая кофе в ящик стола. — Ключи у смотрителя, но его сегодня нет. Иди так, дверь открыта.

Она не спросила, кто он и зачем ему. Кофе стоил дороже ответов.

Архив находился в подвале старого корпуса — того самого, где двадцать лет назад лежала Валери. Рома спускался по ступеням, и с каждым шагом воздух становился плотнее, холоднее. Не физически — просто здесь время будто текло иначе. Замедлялось. Оседало пылью на стеллажах.

Коридор был узким, длинным, выкрашенным в больничный серый. Лампы под потолком гудели ровно, без перебоев. Рома шёл и считал двери. Ему нужен был тридцать седьмой стеллаж 1995—2005.

Он дошёл до поворота. Повернул. И понял, что не слышит своих шагов.

Сначала он подумал — показалось. Старые здания, странная акустика, бывает. Остановился. Прислушался. Тишина была такой плотной, что заложило уши.

Он поднял ногу и опустил. Ни звука. Ни удара подошвы о линолеум. Не слышно даже шороха. Тело помнило движение. Пол не помнил удара.

— Спокойно, — сказал Рома вслух и не услышал своего голоса.

Губы шевельнулись. Связки напряглись. Воздух прошёл через гортань. Но звук — та вибрация, что должна была коснуться барабанных перепонки, — исчезла. Будто кто-то выключил у мира функцию «слышать».

Свет ламп мигнул. Не погас — смазался, как рисунок, по которому провели мокрой рукой. Пространство потеряло резкость, и Рому качнуло — тошнота подступила к горлу, та самая, когда лифт слишком резко трогается с места.

Он сделал шаг. Ещё один.

Пол под ногами менялся. Не становился мягким — уступчивым. Словно шёл не по линолеуму, а по поверхности, которая слишком долго не испытывала давления и уже не помнила, зачем сопротивляться.

Впереди должен быть поворот. Рома знал этот коридор. Он был здесь десять минут назад. Поворота не было. Коридор тянулся бесконечно — ровный, одинаковый, с дверями по обе стороны. Но теперь двери выглядели иначе. Не запертыми — ненужными. Как бутафория. Как декорации в театре, который закрылся навсегда. Рома почувствовал холод в груди. Не страх. Хуже.

Эмоции просто отступили, оставив после себя пустоту. В этой пустоте мысли звучали слишком громко, слишком отчётливо. И одна из них — самая страшная — уже сформировалась:

«Это не место. Это состояние». Он остановился. В этот раз мир отреагировал.

Лампы над головой начали тускнеть — не гаснуть, а именно тускнеть, будто свету надоело быть здесь. Тьма накрывала медленно, нехотя, как вода, которая заливает тонущий корабль — без спешки, но неотвратно.

В этой тьме не было движения. Не было дыхания. Не было ожидания.

И всё же Рома ощутил присутствие. Не перед собой. Не за спиной. Внутри дистанции. Как чувство, что за тобой смотрят — не глазами, а расчётом. Как будто кто-то пересчитывает твои позвонки, даже не прикасаясь.

Сердце сбилось с ритма.

Рома прижал ладонь к груди — и на секунду ему показалось, что удары не совпадают с его ощущением. Будто сердце работало по другому времени. По времени этого места.

В голове всплыли образы. Рынок, где Максим кричал «Она уезжает!». Иней на столе. Рисунки — тоннели, которых мальчик не мог видеть. Глаза Антона в последний день.

Образы не сменяли друг друга. Они накладывались. Сплавлились в один неподвижный узор. И в центре узора была пустота.

Рома сделал шаг назад — и упёрся в стену, которой секунду назад там не было.

Холод поверхности был не физическим. Он не обжигал, не морозил. Он просто вычёркивал тепло. Вычитал его из тела, как лишнюю переменную.

И в какой-то момент Рома понял: Его имя больше ему не принадлежит.

Оно существовало. Да. Но не как обращение. Как метка. Как ярлык на вещи, которую когда-нибудь вынесут на помойку.

От этого осознания горло сжалось. Воздух стал густым, как кисель. Рома попытался сосредоточиться на чём-то простом: счёт, дыхание, движение пальцев.

Пальцы не двигались. Не потому, что не могли. А потому, что движение не требовалось.

Это было самое страшное. Не боль. Не угроза. А ощущение, что сопротивление — избыточно. Что мир может продолжаться и без него. Что он, Рома, — не обязательное условие реальности, а случайная деталь, которую можно стереть, и никто не заметит.

Он закрыл глаза. И на мгновение — одно короткое мгновение — почувствовал покой.

Тот самый, о котором говорил Максим. Тишина без шума. Без памяти. Без выбора. Состояние, в котором не надо ничего решать, ничего бояться, ничего помнить.

И тогда Рома понял, почему это так опасно.

Покой был слишком правильным. Слишком логичным. Он не обманывал — он предлагал честную сделку: отдай себя, и боль уйдёт.

Рома открыл глаза. Сделал единственное, что ещё мог.

Он вспомнил Валери. Её неловкую улыбку, когда она стеснялась просить помощи. Глупые и не умелые шутки Антона — те, что бесили тогда, а сейчас отзывались болью. Горький чай на кухне, когда они втроём сидели и молчали, и это молчание было теплее любых слов.

Он вспомнил не как травму. Как доказательство. Доказательство, что он был. Что они были. Что это не приснилось.

Мир дёрнулся. Тьма не отступила — она дала трещину. Тонкую, как линия на льду, по которой уже поползли разрывы.

Лампа над головой мигнула и загорелась.

Звук вернулся резко, хлынул в уши, как вода в прорванную плотину. Рому ударило шагами, гулом ламп, собственным дыханием — он стоял на коленях в коридоре, задышался, и это было хорошо. Это значило, что он жив.

Коридор снова был просто коридором. Коротким. Знакомым. С облупленной краской и запахом пыли.

Рома долго не вставал. Когда смог подняться, он понял главное: То, что он почувствовал, не хотело его уничтожить. Ему было всё равно.

И именно это означало, что следующая встреча может стать последней. Потому что в следующий раз у него может не найтись сил вспомнить.

Глава 8. Архив и Отголосок

Городской архив помещался в подвале старинной, дореволюционной постройки. Воздух там пах не пылью, а забвением — спрессованным временем, кислотой разлагающейся бумаги, сухим клеем.

Рома заказал подборку материалов по геологии края и истории добывающих промыслов за 1950-1990-е годы. Стопки папок, испещрённых выцветшими чернилами и следами чертёжной копирки, легли перед ним. Он искал упоминания о «Глубоком руднике №7» или любые аномалии, связанные с кристаллами, «странными свечениями» или пропажами людей в шахтах.

Искал он не один.

Из-за соседнего стола за ним наблюдала молодая женщина. Лет тридцати, строгая, в очках в тонкой оправе, одетая скорее в походную, чем в офисную одежду. В её руках была папка с грифом «Личные дела. Геолого-разведочные экспедиции 1981—1984 гг.».

Рома, чувствуя взгляд, поднял голову. Их глаза встретились. Взгляд женщины был не враждебным, а оценивающим, острым.

— Вы тоже ищете призраков? — тихо спросила она, едва шевеля губами, чтобы не нарушать тишину читального зала.

Рома насторожился.

— Я ищу исторические данные. Для статьи.

— Статьи о «геопатогенных зонах» и «аномальных геологических формациях»? — женщина едва улыбнулась, невесело. — Я просмотрела ваш запрос. У нас... схожие интересы. Меня зовут Алиса. Алиса Краева.

Краева. Фамилия прозвучала для Ромы как удар гонга. В записях Нолка, в его безумных, но точных отчётах, мельком упоминался «геолог Краев» как один из членов его первой, роковой экспедиции. Тот, кто первым спустился в «зловещую трещину» и вернулся с образцом «невозможного минерала».

— Чем могу помочь? — сдержанно спросил Рома, чувствуя, как кристалл на лбу начинает потихоньку жечь.

— Я думаю, мы можем помочь друг другу, — так же тихо сказала Алиса. Она открыла свою папку и достала фотографию. Пожелтевший снимок. Группа людей в экспедиционном снаряжении на фоне холмистой, безлесой местности. Она указала на одного из мужчин — коренастого, с умными, усталыми глазами. — Мой отец. Пётр Краев. Он пропал в 1984 году во время исследования карстовых образований к северу от города. Официально — несчастный случай. Но его личный дневник... — она перевела взгляд на Рому, — в нём есть эскизы. Наброски. Кристаллов, которые не подчиняются законам кристаллографии. И человека. С отчётливым, неестественным шрамом на лбу. Как у вас, когда вы щуритесь от боли.

Рома замолчал. Завеса тайны сдвинулась, и в щель глядело чьё-то пристальное, незабвенное око.

— Что вы хотите? — наконец спросил он.

— Правду, — просто ответила Алиса. — Мой отец верил, что нашёл нечто важнее любой руды. Что-то, что могло бы изменить всё. Он называл это «памятью Земли». А потом его не стало. А вчера, — она понизила голос до шёпота, — я следила за вами. Видела, как вы ведёте того мальчика в новый район. Я архитектор, я знаю те дома. И я видела, как в окне подвала, где вы были, погас свет. Не электричество. Свет из окна просто... исчез. Как чёрный квадрат. На десять минут. А потом загорелся снова. Объясните это.

Рома понял, что отступать некуда. Эта женщина не журналист и не сумасшедшая. Она — наследница. Как и он.

— Ваш отец, — медленно начал Рома, — был прав. Он нашёл не руду. Он нашёл дверь. И за ней — не память Земли. А её... кошмар. Который теперь просачивается обратно.

Он не стал рассказывать всё. Но он показал ей папку с рисунками Максима. Геометрические схемы, паттерны распада.

Алиса, изучив их, побледнела.

— Это... это похоже на отцовские предсмертные записи. Только у него они были более... упорядоченными. Как инженерные расчёты. Он пытался рассчитать структуру того, что видел.

— У вас есть эти записи? — спросил Рома, и в его голосе впервые прозвучала надежда.

— Есть копии. Оригиналы... их изъяли вместе с вещами отца. Но я кое-что сохранила.

— Она помолчала. — Там есть карта. С пометкой «Эпицентр. Место разлома».

Слово «разлом» заставило Рому вздрогнуть. Точно так же говорил «Голод».

— Мне нужна эта карта, — сказал он.

— И мне нужны ответы, — парировала Алиса. — Вы знаете больше, чем говорите. У вас на лбу... это связано с тем, что видел отец?

Рома кивнул, не в силах лгать.

— Это и есть часть ответа. И часть проблемы. И если мы не найдём «место разлома», проблема скоро станет достоянием всего города. Тот мальчик — только первый симптом.

Их союз, рождённый из личных трагедий и тяги к запретному знанию, был заключён без рукопожатий. Молчаливо. Каждый понимал, что вступает в игру, правила которой не знает никто.

Когда они выходили из архива, Алиса вдруг остановилась.

— Отец в последней записи написал нечто странное. Он писал: «Нолк остался там не как пленник. Как добровольный смотритель. Он говорит, что должен найти „Хранителя Пустоты“ и заставить его вспомнить свою работу». Вы знаете, кто такой Нолк?

Рома посмотрел в серое зимнее небо.

— Знаю. Он был моим учителем. И, кажется, его работа ещё не закончена.

Кристалл на его лбу отозвался на имя «Нолк» тонкой, печальной вибрацией, будто эхом из очень глубокой могилы. И где-то в этой глубине, в искажённых лабиринтах Уль-Нора, что-то на другом конце этой вибрации тоже насторожилось. Холодный, лишённый эмоций разум, долгие циклы наблюдавший за феноменом «Голода», наконец-то получил чёткий сигнал с поверхности. Сигнал от своего старого, заброшенного «инструмента».

Хранитель Разума перестал быть просто легендой. Он начал проявлять интерес.

Глава 9. Дневник сломанного компаса

Карта, которую Алиса принесла на следующий день в крохотную квартирку Ромы, была не похожа на обычную топографическую схему. Это была копия кальки, нанесённая на жёсткий ватман, вся испещрённая линиями, стрелками и странными, похожими на химические формулы, пометками. В центре, обведённая жирным красным кругом, значилась «Зона К-7» — та самая заброшенная шахта «Глубокий рудник». Но взгляд цеплялся не за это.

По краям карты, вразнобой, как шифр, были нарисованы маленькие, идеально ровные геометрические фигуры: кубы, октаэдры, додекаэдры. Возле каждого — стрелка, указывающая внутрь земли, и число, похожее на глубину: 120м, 340м, 500м... Рядом с фигур стояли пометки отца Алисы: «Резонансная аномалия», «Точка стабильного искажения», «Предполагаемый фокус сингулярности (?)».

— Он считал, что это не просто шахта, — тихо объясняла Алиса, водя пальцем по линиям. — Он верил, что под нами существует... кристаллическая решётка иного порядка. Как будто сама земная кора в этом месте имеет дефект, повторяющуюся структуру. Эти фигуры — узлы этой решётки. А шахта — место, где она... треснула.

Рома молча слушал, чувствуя, как от этих слов по спине бежит холодок узнавания. Кристаллическая решётка... Уль-Нор. Мир, построенный на иных геометрических принципах. Краев-старший, даже не спускаясь в сам ад, смог математически вычислить его проекцию на наш мир.

— А это что? — Рома указал на странный значок в стороне от основных фигур, похожий на глаз в треугольнике, от которого расходились волнистые линии. Возле него стояла единственная эмоциональная пометка: «Н. З. Не приближаться. Зеркало без отражения.»

— Не знаю, — честно ответила Алиса. — Но это единственная пометка, где он нарушил свой сухой тон. И смотрите сюда.

Она открыла потрёпанную тетрадь в коленкоровом переплёте — копию полевого дневника. Листала страницы, заполненные замерами, зарисовками пород, и остановилась на одной из последних записей. Датированной за неделю до исчезновения.

«Запись от 14.08.1984.

Сегодня подтвердилось. Аномалия — живая. Вернее, она реагирует.

Использовал маятник с образцом керна из скважины №7 (глубина 80м, зона синей глины). Наблюдал отклонение, не поддающееся объяснению гравитацией или магнетизмом. Затем... затем последовал «ответ».

Не звук. Давление в ушах. И... картина. Чёткая, как вспышка.

Видел пещеру. Стены не из камня, а из тёмного, идеально гладкого вещества, в котором пульсировали жилы света. И в центре — фигура. Не человек. Сущность в струящихся синих одеяниях, покрывающих всё тело, как план. Её лицо скрывала белая, гладкая маска, напоминающая полированную кость, от которой отходили два изогнутых, подобно кристаллам, рога. На груди у неё висел амулет — зелёный глаз, мертвенно-светящийся. А вокруг... вокруг в воздухе плавали другие глаза. Сотни зелёных глаз, составляющих её ауру, её поле зрения.

Сущность подняла голову. Все глаза разом повернулись на меня. Через маятник, через образец, через километры породы.

И передала мысль. Не слово. Пакет данных. Схему.

Я не понял и десятой доли. Но я понял суть: это — просьба о помощи. Или... инструкция по эксплуатации. Для того, кто придёт позже. Кто сможет понять.

Завтра иду к Нолку. Надо проверить, не брежу ли я. Если он увидит то же... значит, мы на пороге чего-то, после чего геология уже никогда не будет прежней.»

На следующей странице была лишь одна фраза, нацарапанная дрожащей рукой:

«Нолк подтвердил. Он называет это место „Приёмником“. А ту сущность — „Хранителем Разума“ или „Смотрителем Пустоты“. Мы обречены это исследовать. Бог, прости нас.»

В квартире повисло молчание. Рома смотрел на описание и почувствовал, как знакомый до жути холодок пробежал по позвоночнику. Он уже видел этого Хранителя — не в видениях, а в глубинах собственного кристалла, ощущал его безличный, аналитический взгляд.

— «Хранитель Разума», — прошептал он. — Он... он не просто наблюдал. Он пытался установить контакт. Через породу, через «резонансные узлы». Ваш отец и Нолк стали антеннами.

— И что он им передал? Какую «инструкцию»? — спросила Алиса, её голос дрогнул.

— Думаю, — Рома медленно поднял руку к своему лбу, — инструкцию по созданию интерфейса. По выращиванию кристалла, способного воспринимать их мир. Нолк получил свой кристалл в Уль-Норе. А ваш отец... он получил чертёж. И, возможно, передал его дальше. Тому, кто был достаточно одержим, чтобы воплотить его в жизнь. Каким-то образом информация о кристаллах перешла в народ. Позже дошло и до Антона.

Мысль была ошеломляющей. Что если одержимость Антона, его поиски «Камня, что возвращает души», не были случайностью? Что если его навели на эту мысль?

Внезапно кристалл на лбу Ромы взревел.

Это не было ни болью, ни вибрацией. Это был чистый, невыносимый сигнал. Белый шум из другого измерения, ворвавшийся прямо в мозг. Рома вскрикнул, схватившись за голову, и отшатнулся от стола.

И началось преображение.

Сначала из-под манжеты его старой рубашки, по запястью, поползла золотая нить. Не татуировка, а словно живой, светящийся орнамент, проступающий из-под кожи. Она изгибалась, ветвилась, превращаясь в сложную печать — спирали, углы, руны, напоминающие схемы из тетрадей Нолка. Печать поползла вверх по руке, к локтю, разливаясь по коже тёплым, пульсирующим золотым светом. То же самое происходило и на другой руке, он чувствовал, как узоры зажигаются на груди, на шее.

— Рома! Ваши... ваши глаза! — в ужасе воскликнула Алиса.

Он поднял взгляд. В тусклом отражении оконного стекла он увидел своё лицо. По коже, от висков, по скулам, спускались к челюсти изящные, геометричные золотые арнаменты. А его глаза... Серые, усталые глаза на секунду вспыхнули тем самым ясным, пронзительным жёлтым цветом, который он не видел с тех пор, как смотрел в глаза Антона, охваченного манией в пещерах Уль-Нора. Цвет активного кристалла, цвет подключённого интерфейса.

Перед его внутренним взором, затмевая комнату, вспыхнул образ.

Та самая пещера с пульсирующими жилами. И в центре — Он. Хранитель Разума. Высокий, иератический. Струящиеся синие одеяния, похожие на застывший дым или тяжёлый шёлк, скрывали всё тело, не оставляя ни щели. Белая костяная маска без единой черты, только гладкая кривизна, увенчанная парой изогнутых, подобно горному хрусталу, рогов. На груди — амулет: огромный, немигающий зелёный глаз, излучающий фосфоресцирующий, ядовитый свет. И вокруг, в пространстве, висели, вращались, смотрели сотни других зелёных глаз, нарисованных на самом воздухе, составляющих его многогранное, всевидящее сознание.

Все эти глаза — и большой амулет, и малые в ауре — уставились на Рому. И в сознание ворвалась прямая трансляция мысли, холодной и отточенной как алмазный резец.

«Интерфейс активирован. Носитель „Рома“. Био-проводимость: приемлемая. Ментальная устойчивость: низкая. Начинаю калибровку каналов. Проявляю узлы подключения (золотые печати). Стабилизирую оптический сенсор (жёлтый пигмент радужки). Это временно. Для эффективной работы потребуется полная синхронизация. Готовьтесь. Цель операции „Санация“ ждёт.»

Это был не диалог. Это был отчёт системы оператору о начале процесса. Хранитель не спрашивал. Он действовал. И использовал тело и душу Ромы как плацдарм.

Стеная, Рома с силой ухватился за край стола, пытаясь мысленно оттолкнуть вторжение. «Уходи! Я не твой инструмент!»

В ответ по золотым узорам на его коже пробежала волна ледяного огня. Боль была ослепительной, но короткой. И она принесла не отступление Хранителя, а новый пакет данных: чертежи «резонансного инвертора», схемы подключения, расчёты. И ясное, недвусмысленное ощущение: сопротивление бесполезно и нерационально. Это оптимальный путь.

Золотой свет на коже стал тускнеть, сворачиваясь обратно к кристаллу на лбу. Жёлтый огонь в глазах погас, сменившись привычной серой усталостью, но в глубине ещё тлел золотистый отсвет. Рома, тяжело дыша, опустился на стул. Рубашка была мокрой от пота.

— Что это было? — прошептала Алиса. Она не сбежала. Она смотрела на него с ошеломлённым, но не отвращённым интересом учёного, видящего невозможное. — Эти узоры... они похожи на отцовские схемы «энергетических потоков». Но живые.

— Это... цена билета, — хрипло сказал Рома, потирая запястье, где кожа ещё горела. — Он калибрует меня. Как прибор. Готовит к чему-то большему. К «полной синхронизации».

Рома помолчал. Надеюсь, хоть обновления не надо будет скачивать. У меня интернет медленный...

— Он сглотнул. — У нас мало времени. Он решил, будет действовать. Через меня. Нам нужно попасть в шахту до того, как он завершит эту... настройку.

— Вы говорите, как будто это компьютерный вирус, — сказала Алиса.

— Хуже, — Рома горько усмехнулся. — Вирус хочет разрушить систему. Хранитель Разума хочет её оптимизировать. Стереть всё лишнее. И моя воля, мои страхи, мои воспоминания — они для него лишние. Как и личность Максима. Как, думаю, и личность вашего отца в своё время.

Он посмотрел в окно. День клонился к вечеру.

— Мы идём завтра на рассвете, — его голос был тихим, но в нём звучала сталь. — Нужно снаряжение. Фонари, верёвки, газоанализатор. И... нам понадобится тот самый «кern из синей глины». Он — физический ключ, антенна. Если Хранитель говорил через него с вашим отцом, то, возможно, через него же мы сможем сказать что-то ему в ответ.

— Он в музее горного института, в запасниках, — быстро ответила Алиса, её ум уже переключился на практические задачи. — У меня есть доступ. Я возьму его сегодня.

— Только осторожно, — предупредил Рома. — Если там сработает сигнализация, не говори охранникам, что это для связи с подземным демоном. Скажи, что для удобрения гераней.

Когда Алиса ушла, Рома остался один. Он закатал рукава. На коже, от запястий до локтей, остались невидимые на ощупь, но видимые при определённом свете бледно-золотые следы, как шрамы от только что снятых повязок. Он подошёл к зеркалу в ванной, включил свет и пристально посмотрел в свои глаза. В глубине радужки, вокруг зрачка, слабо мерцал золотой ободок. Напоминание. Клеймо.

Он прикоснулся пальцами к горящему кристаллу на лбу.

— Я не твой инструмент, — повторил он, глядя в свои глазницы, но увидев чужие глаза. — Я не стану твоим сосудом. Я — мост. И мосты бывают двусторонними.

Из глубины, оттуда, где сейчас обитала тень Хранителя, донеслась не мысль, а эмоциональный отголосок. Холодное, безличное любопытство, смешанное с лёгким нетерпением. Как у исследователя, который видит, что подопытная мышь пытается грызть стенки лабиринта, вместо того чтобы бежать к сыру.

Глава 10. Прививка от пустоты

Сон навалился на Рому, как тяжёлый, влажный мешок, сразу после того, как он лёг в постель. Это был не отдых, а погружение — стремительное и неотвратимое.

Он не видел себя со стороны. Он был другим.

Первое осознание: холод. Пронизывающий, идущий не от воздуха, а изнутри костей. Ледяная игла в самом сердце.

Второе: запах. Пыль, порода, сырость и... озон. Запах статического электричества перед грозой, но заключённый в каменных стенах.

Третье: зрение. Он смотрит на свои руки — мозолистые, в грязи и царапинах, руки геолога. Перед ним — стенка штрека, но не обычная. Она мерцала. Тёмный сланец прорезали тончайшие, словно волосы, жилки синего света. Они пульсировали в такт какому-то далёкому, чуждому ритму.

Это не моё тело, — успела мелькнуть мысль Ромы, но её тут же смыло приливом чужого ужаса. Чистого, животного, всепоглощающего страха.

— Пётр, ты слышишь? — чей-то голос, приглушённый, полный такого же страха. Нолк. Это голос Нолка, но молодого, живого, не сломленного ещё годами в ловушке.

Я — Пётр Краев. Осознание пришло вместе с памятью. Экспедиция. «Глубокий рудник №7». Аномальные показания приборов. И этот... шёпот. Который начался три дня назад. Не в ушах. В костях. В самой крови. Шёпот, состоящий из обрывков чужих мыслей, чужой тоски, чужого голода.

— Слышу, — собственный голос Краева (и Ромы) прозвучал хрипло. — Он становится громче. Он... он узнаёт нас.

Внезапно, светящиеся жилы в стене вспыхнули. Синий свет ударил в глаза, ослепляя. И в нём, как в кинопроекторе, замелькали образы.

Больничная палата. Запах антисептика и смерти. Человек (врач?) в белом халате стоит над телом. Но это не медицинская процедура. Его руки... его руки погружаются в грудь пациента, не оставляя ран. И вытягивают оттуда клубок сияющего, золотого света — душу? Память? Нить? Лицо врача искажено не злобой, а холодным, клиническим голодом. Это было видение не из этого мира. Это был сигнал, передача данных о самом принципе «Голода» — вселенской болезни, пожирающей связи между душами.

Затем видение сменилось. Знакомая обстановка. Антон, молодой, но глаза уже пустые, стоит над столом с чертежами. Из его тени на стену падает не его силуэт, а нечто большое, рогатое, с сотней глаз. И из этой тени тонкая, чёрная щупальце протягивается к спящему на соседней койке Роме... но не касается его. На лбу у спящего Ромы слабо мерцает тусклый кристалл. Щупальце отдергивается, как от раскалённого железа, и вновь уходит в тень Антона.

— Он показывает механизм, — прошептал Краев, и Рома внутри него понял. Это не просто кошмар. Это диагностика. Сущность «Голода» демонстрировала себя, как вирус под микроскопом. Она вселялась в тех, в ком была пустота. Травма, потеря, отчаяние — они создавали брешь. Антон после смерти Валери стал идеальным сосудом. А теперь «Голод» искал новые пустоты здесь, в шахте. И находил их. Он чувствовал страх экспедиции, их растерянность, их незнание.

— Он идёт по нам, как по списку, — сказал Нолк, его голос стал ледяным. — Кого выбрал?

Внезапно, боль. Острая, режущая, в виске. У Ромы-Краева. Чёрная, холодная нить, невидимая, но осязаемая, уже впустила своё жало в его разум. Он чувствовал, как чужая тоска начинает заполнять его, вытесняя его собственные мысли, его воспоминания об Алисе-малышке, о жене. Пустота. Здесь есть пустота. Страх оставить их. Страх не вернуться. Это вход.

— Ко мне... — с трудом выдавил Краев. — Он заходит через меня.

В глазах Нолка мелькнуло нечто страшное — не страх, а решимость. Безумная, отчаянная решимость учёного, видящего единственный выход из эксперимента.

— Нет! — крикнул Нолк. — Не отдавайся! Закрой брешь! Чем-то... чем угодно!

— Чем?! — закричал Краев, падая на колени, хватаясь за голову. Холод расплзался по мозгу, как паутина.

И тут взгляд Нолка упал на образец. Тот самый «кern из синей глины», лежащий в ящике с инструментами. В нём слабо пульсировал тот же синий свет, что и в стене. Не источник «Голода», а его частица, нейтральный носитель информации.

— Кристалл! — выдохнул Нолк. — Информационная матрица! Он может занять место! Он может стать... искусственной душой, заплатой! Если встроить его в точку входа, он займёт пустоту, не оставив места для Голода!

Это была безумная идея. Но другой не было.

Рома-Краев видел, как Нолк хватается геологический молоток и долото. Видел дикий, иступлённый свет в его глазах. Видел, как он приближается с куском синего камня.

— Держись, Петр! Это будет больно! Но это сработает! Должно сработать!

И была агония. Не физическая — та была лишь вспышкой, когда заострённый кристалл вдавили в кожу на лбу. Настоящая агония была ментальной. Чужая, холодная, геометричная информационная структура врывается в сознание, не стирая его, а... инкапсулируя. Окутывая его «я» защитным, кристаллическим коконом. Это было похоже на то, как живым заливают бетон. Ты остаёшься собой, но навеки замурован, отрезан от мира простых чувств.

Чёрная нить «Голода», наткнувшись на эту кристаллическую преграду, завизжала и отступила. Она не могла проникнуть туда, где уже не было пустоты, а была плотно упакованная, чужая система.

Краев лежал на полу, дыша, как рыба на берегу. На его лбу, в кровотокающей ранке, мерцал крошечный осколок синего кристалла. Он был спасён. Но спасение было тюрьмой. Он чувствовал, как его собственные эмоции приглушаются, как мир становится чуть более отстранённым, математичным. Цена.

И последнее, что увидел Рома глазами Краева, прежде чем сновидение начало таять, — это взгляд Нолка. Взгляд полный ужаса, вины и... надежды. Он нашел метод. Ужасный, калечащий, но метод.

Рома проснулся с воплем, вырывающимся из пересохшего горла. Он сидел на кровати, вся простыня мокрая от холодного пота. Его руки тряслись. Он поднял их к лицу, ожидая увидеть мозоли геолога, но увидел свои, привычные, учительские пальцы.

Дыхание вырывалось прерывисто. Сердце колотилось где-то в горле.

Он медленно, почти боясь, дотронулся до лба. Кристалл под кожей горел теплом, живым, почти утробным. Не холодом вторжения, а теплом... защиты.

И озарение ударило, как молния.

Он не попал под воздействие Голода только из-за кристалла.

Не потому, что был сильнее. Не потому, что был умнее или морально устойчивее. Антон, его лучший друг, пал. А он, Рома, уцелел. Все эти годы он носил в себе стыд выжившего, чувство вины, что не смог удержать друга. А ответ был прост, ужасен и механичен.

Когда «Голод» прорвался в их мир через разорванную Нить Антона, он искал пустоты. Антон был идеальной пустотой — выжженной горем, виной, одержимостью. Рома рядом с ним тоже нёс потерю, страх, травму — он был уязвим. Но в его психическом теле уже была заплатка. Кристалл, вживлённый Хранителем Разума в Святилище Мысли. Чужеродная, холодная структура, занявшая место, которое могла бы занять инфекция.

Он не сопротивлялся лучше. Его просто... заранее вакцинировали. Сделали непригодным сосудом. Спасли, искалечив.

Он не был героем. Он был привитым. И эта прививка спасла его душу, но обрекла на вечную разобщённость с миром, на жизнь «смотрителя», на холодок отчуждённости, который он всегда списывал на характер или усталость.

И теперь эта же «прививка» готовилась взять над ним полный контроль, потому что её создатель — Хранитель — считал человеческую часть Ромы «нестабильным элементом».

Рома сполз с кровати, подошёл к окну. На улице был предрассветный час, самый тёмный. Он смотрел на своё отражение в стекле — бледное, измождённое лицо с горячей точкой на лбу.

Теперь он понимал. Понимал истоки своей «устойчивости». Понимал, почему «Голод» в Максиме говорил с ним, а не просто пытался поглотить — потому что в Роме он видел не добычу, а аналогичную структуру, кристаллическую, чужеродную. Видел родственное, но враждебное.

И понимал, что спасти Максима по методу Нолка — значит искалечить его. Вживить ему кристалл, превратить в такого же отчуждённого «носителя», как он сам, как его отец. Была ли в этом жизнь? Или просто существование?

Но был ли у него выбор? «Голод» не оставлял пустых. Либо он заполнит Максима собой, либо его место займёт холодный разум кристалла.

Рома сжал кулаки. Нет. Должен был быть третий путь. Не вытеснение одной чужеродной структурой другой. А усиление своего. Того самого «якоря» — воспоминания о воздушном змее, о ветре. Нужно было не латать дыру, а наращивать края, чтобы она затянулась сама.

Он повернулся от окна. Через час должна была прийти Алиса. Они спустятся в шахту. Не только за ответами, но и за инструментом. Не для того, чтобы калечить, а чтобы понять, как работает эта «кристаллическая память», и обратить её себе на пользу. Чтобы договориться с Хранителем не с позиции слабости «носителя», а с позиции силы партнёра, понимающего правила игры.

Он был привит. Что ж. Значит, у него был иммунитет. И этот иммунитет он мог использовать как оружие. Впервые за многие годы в его усталых глазах, рядом с золотым отблеском кристалла, вспыхнул не просто отсвет, а огонь. Не ярости, а решимости.

Он больше не был просто жертвой обстоятельств или инструментом в чужих руках. Он был носителем. И пора было научиться управлять своей болезнью, прежде чем она — или тот, кто её создал, — начнёт управлять им.

Глава 11. Инструкция по содержанию призрака

Рассвет застал их у подъезда дома Максима. Воздух был колючим, морозным, но не свежим. Он казался спёртым, как в больничной палате. Алиса приехала на своей старой «Ниве», в багажнике — рюкзаки с оборудованием и бесценный, украденный из музея, образец синей глины с вкраплениями кристалла, упакованный в свинцовый футляр

Лицо матери Максима, открывшей дверь, было серым от бессонницы и беспомощности.

— Он не спит, — прошептала она, пропуская их. — Сидит. Смотрит в стену. И... и в комнате холодно. Батареи горячие, а холодно.

Они зашли. В комнате Максима дышалось, как в холодильнике. Подросток сидел на краю кровати, одетый в тёплую куртку поверх пижамы. Его руки лежали на коленях ладонями вверх. Взгляд был устремлён в пустоту. На стене напротив, на обоях, проступил иней. Не просто налёт, а сложный, ветвистый узор, похожий на схему кровеносной системы или мицелий гриба.

Рома подошёл, присел на корточки перед ним.

— Максим. Ты здесь?

Глаза мальчика медленно, с трудом сфокусировались на нём. В глубине зрачков плавало что-то чужое.

— Он... рисует карту, — тихо сказал Максим. Голос был плоским. — Говорит, чтобы ты не мешал. Говорит... скоро придёт Надзиратель. Проверить работу.

Надзиратель. Хранитель Разума. «Голод» знал о нём. И боялся? Или ждал?

— Какую карту, Максим?

— Где все пустые места. Где можно... войти. Их много. Больше, чем ты думаешь.

Алиса, осматривавшая узор инея, ахнула. Она вытащила из кармана копию отцовской карты и приложила к стене. Контуры узора почти идеально совпадали с контурами «резонансных аномалий» вокруг шахты. «Голод» не просто мучил мальчика. Он использовал его тело как приёмник и ретранслятор, уточняя карту проникновения в наш мир.

— Рома, — тихо позвала Алиса, указывая на один из «узлов» на стене. Рядом с ним иней сложился в странные, угловатые письмена. Не русские, не латиница. Знаки, напоминающие печати на руках Ромы. И среди них — чёткий, ясный зелёный глаз, выведенный изморозью. Знак Хранителя.

«Голод» не просто бушевал. Он сигнализировал. Паника сменилась леденящим пониманием: это была не атака. Это была подготовка к инспекции. «Голод» как вышедший из-под контроля эксперимент приводил себя в порядок перед приходом учёного.

Рома взял Максима за руки. Они были ледяными.

— Слушай меня. Ты должен бороться. Не с ним. Со своими воспоминаниями. Всё, что важно для тебя. Держи это в голове, как в крепости. Не давай ему это съесть.

— Он говорит, мои воспоминания — слабые. Как бумажные стены, — безразлично ответил мальчик.

— Тогда укрепляй их! — резко сказал Рома, заставляя себя быть жёстким. — Вспомни запахи. Звуки. Жар от костра, если помнишь. Крик чайки. Вкус газировки, которая щиплет язык. Всё, что ощущаемо. Он этого не понимает. Он понимает только схемы и пустоты. Заполняй пустоты жизнью!

В глазах Максима на мгновение мелькнула искра — растерянности, может быть, надежды. Он слабо кивнул.

Рома подошёл к родителям в кухню. Их лица были масками ужаса.

— Слушайте внимательно. Это не болезнь в обычном смысле. Это... заражение средой. Есть строгие правила. Нарушение — хуже смерти для него.

Он выложил инструкцию, чётко, как приказ:

1. Тишина и покой. Никаких гостей, музыки, телевизора на повышенной громкости. Любой шум — это вибрация, которая может резонировать с «ним».

2. Изоляция от триггеров. Никаких поездок на вокзал, рынки, в крупные магазины. Никаких яблок в доме (мать недоумённо всплеснула руками, но кивнула). Никаких разговоров о детских домах, сиротах, потере. Ничего, что может ассоциироваться с чужим горем.

3. Температурный контроль. Грейте его. Горячий чай, грелки, тёплые одеяла. Холод — его стихия. Не давайте ему закрепиться.

4. Постоянный контакт. Говорите с ним. О простом. О погоде. О своих рабочих делах. О старых, добрых, скучных семейных историях. Наполняйте пространство вокруг него обыденностью. Ему нужна скучная, предсказуемая реальность как противовес.

5. Если на стенах, окнах снова появится иней или узоры — не стирайте. Сфотографируйте и сразу шлите мне. Это карта его действий.

— А что... что с ним будет? — спросил отец, голос срывался.

— Мы идём туда, откуда это пришло, — сказал Рома, не в силах обещать выздоровление. — Чтобы отключить источник. У нас есть... может быть, сутки. Не больше.

Когда они выходили из комнаты Максима, мальчик вдруг заговорил, не глядя на них, обращаясь к стене с узором:

— Он спрашивает... принесёте ли вы ему «ключ». Говорит, без ключа Надзиратель найдёт всё сам. И будет... переформатирование.

Рома замер. «Ключ». Образец? Его кристалл? Или что-то ещё?

— Какой ключ? — спросил он.

Максим медленно повернул голову. Его губы растянулись в улыбке, которая никогда не принадлежала ему. В ней была ледяная, древняя насмешка.

— Того, кто помнит дорогу. Нолка. Он хочет карту, которую Нолк нарисовал не на бумаге. Которую он спрятал... в костях.

Слова повисли в ледяном воздухе. Алиса побледнела. Карта в костях... Отец писал о «костных аномалиях» у некоторых погибших членов экспедиции.

— Скажи ему, что мы ищем, — твёрдо ответил Рома. — И что если он хоть ещё раз попытается говорить твоим голосом, мы найдём способ выжечь его не только из тебя, но и из его уютной трещины в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.